

АКТЕРЫ И РОЛИ

Профессор Хиггинс
получает урок...

В спектакле «Моя прекрасная леди» С. Духовный эксцентричен с первого появления на сцене. Его демонстративно небрежные манеры в явном конфликте с импозантной наружностью. Плавная мягкость движений сменяется внезапной порывистостью. В интонациях слегка протяжной, чуть горланной (на английский лад) речи — ирония, близкая к издевке, а любопытство и обескураживающая непосредственность, с которой он задает неожиданные вопросы, окружающим, вызывает их растерянное переглядывание: откуда взялся этот странный «тип»?

Чужаковатость профессора акцентируется артистом преднамеренно и отнюдь не потому, что в ней он видит традиционное качество, характеризующее облик «ученого мужа». Внешняя эксцентричность Хиггинса — Духовного есть выражение внутренней сущности образа. Необычность поведения профессора — следствие его раскрепощенности, независимости от условностей «света». В его глазах не имеют цены знатное происхождение и высота занимаемого положения. И потому герой Духовного, не скрывая насмешки, признается, что с герцогиней он обращается, «как с

цветочницей». Зато с мусорщиком Альфредом Дулиттлом Хиггинс быстро находит общий язык. Нет, разумеется, артист не делает профессора фонетики подчеркнуто демократичным. Хиггинс — Духовный симпатизирует Дулиттлу потому, что тот так же, как и он, скептически относится к нормам поведения буржуазного общества.

Вообще Хиггинс Духовного — натура, которой свойственна экспансивность во всем и особенно в том, что касается науки. Идеи овладевают им внезапно, и в ту же минуту он с азартом берется за их воплощение. За шесть месяцев... нет... за три Хиггинс готов превратить «чужазную замарашку» Элизу, исправив ее произношение, в герцогиню!

Первые же успехи ученицы приводят его в настоящий восторг. Следуя жанру оперетты, артист выражает его танцем, в него он входит легко, свободно. Впрочем, что вызывает восхищение профессора? То, что Элиза оказалась на редкость способной? Нет, в ее успехе он видит лишь свои заслуги, свою победу. Элиза для него игрушка, которой он забавляется, которую он даже любит. Что же касается ее чувств... Да разве есть они у куклы?

Хиггинс жесток. Быть может, потому, что наука значит для него гораздо больше, чем живые люди? Чаще всего исполнители роли Хиггинса изображают своего героя именно таким. Трактовка С. Духовного нетрадиционна и своеобразна. Да, его профессор — кабинетный ученый, да, он фанатически увлечен своей работой. (С каким иступленным упорством этот человек занимается с Элизой, как вдохновенно и горячо он говорит о красоте английского языка — языка Мильтона и Шекспира!) Но герой Духовного любит науку не ради нее самой. Он движим высокими идеалами. С неподдельным пафосом, убежденно (раздумья над этим вопросом занимали его, по-видимому, не однажды) Хиггинс утверж-

дает, что фонетика представляется ему средством, способным разрушить «самые высокие стены, отделяющие класс от класса».

Мысль эта утопична, идея умозрительна, но антигуманной ее назвать нельзя. Профессор мечтает сделать счастливыми всех, но не замечает, что вместо этого приносит страдания человеку, находящемуся рядом... И когда Элиза предпринимает попытку сбежать от него, целая цепь следующих друг за другом настроений и чувств — удивления, недоумения, любопытства — сменяется у Хиггинса — Духовного и завершается восхищенным признанием профессора: «Вот такая ты мне нравишься...». Это чувство, смешанное с отчаянием («А вдруг уйдет?»), находит свое продолжение в арии «Я так привык к ее лицу», точно передающей, как и вся музыка Ф. Лоу, психологическое состояние героя. А как выдает волнение ставший вдруг глухим и непослушным голос, когда, увидев вернувшуюся Элизу, Хиггинс произносит свою обычную фразу: «...Куда же, черт побери, девались мои туфли?».

Вот он, переворот, к которому логически приводит своего героя Духовный, показав его поражение и как человека, и как философа. Одно правильного произношения мало, чтобы уравнять людей разного социального положения. Но, к чести Хиггинса, в цветочнице, подобранной им на улице, он все же сумел разглядеть человека.

Профессор Хиггинс — одна из тех сложных, но счастливых ролей, которые уже в силу своего превосходного драматургического материала имеют предпосылки для того, чтобы принести актеру творческий успех. И если прибавить к этому, что С. Духовный, играющий профессора, артист, которого неизменно отличает умение понять внутренний мир изображаемого героя, если отметить добротность режиссуры У. Вальютса, стремящегося максимально выявить в спектакле всю глубину содержания пьесы, если указать, наконец, что у Духовного интересные партнеры по сцене, становится понятным, почему роль Генри Хиггинса обратилась несомненной удачей.

А. СУХОВЕЙ.

На снимке: заслуженный артист РСФСР С. ДУХОВНОЙ в роли Хиггинса в спектакле «Моя прекрасная леди».